

С тех пор как Синъити Кудо узнал о существовании проклятых духов, каждое новое расследование неизбежно заставляло его задумываться: кто же истинный виновник трагедии — человек или очередное порождение проклятой энергии?

И хотя юноша никогда не жаловался на зрение, теперь он постоянно носил очки — очки-проклятое оружие, позволяющее видеть проклятых духов и различать следы их остаточной проклятой энергии. Этот нехитрый аксессуар помогал с первого взгляда определять, причастны ли потусторонние силы к очередному преступлению.

Впрочем, после того как существование монстров рассекретили на государственном уровне, ушлые убийцы быстро сообразили, как этим воспользоваться, и повадились списывать свои злодеяния на бесчинства проклятых духов. Именно с таким случаем Синъити столкнулся сегодня.

Зависть и злоба, созревшие в душе преступника, породили слабое проклятие четвёртого ранга. Когда Значок Агасы, способный улавливать присутствие и силу тварей, тревожно замигал, подозреваемый тут же уцепился за эту соломинку:

— Это точно чудовище! Здесь ведь есть проклятый дух, правда? Это он его убил, точно он!

Самое прискорбное, что многие присутствующие охотно кивнули в ответ. Обывателям куда проще смириться со смертью от лап бездушного монстра, нежели осознать, что на убийство пошёл их ближний.

Однако Кудо осадил паникёра хладнокровным и чётким доводом:

— Вы перепутали причину и следствие. Когда значок забил тревогу, несчастный уже испустил дух. Это проклятие зародилось из вашей собственной, бурлящей чёрной злобы к погибшему. И тот факт, что сейчас эта тварь обвивает именно ваши плечи, доказывает одно: убийца — это вы!

Теперь даже не нужно было искать оружие преступления или корпеть над уликами. Синъити просто протянул свои очки-проклятое оружие следователю. Стоило офицеру надеть их, как перед ним предстала мерзкая картина: на плечах бледного подозреваемого копошился уродливый проклятый дух четвёртого ранга, исступлённо шипящий прямо ему в ухо: «Убить... убить его...»

Истина восторжествовала.

Осознав, что отпираться бессмысленно, преступник обессиленно рухнул на колени. Дальше всё пошло по давно знакомому сценарию: слёзы, причитания и запоздалое раскаяние.

Вот только у самого Синъити не было ни малейшего желания выслушивать эти откровения.

С тех пор как он открыл для себя проклятых духов и вооружился очками-проклятым оружием, ему слишком часто приходилось видеть проклятых духов, рождённых из чистой человеческой ненависти. И каждый раз это зрелище заново обнажало перед ним самые уродливые стороны человеческой души.

За годы детективной практики Кудо повидал немало грязи. В конце концов, на лишение жизни толкает именно злоба, и мотивы порой бывали до абсурда ничтожными. Он думал, что давно очерствел, но, сталкиваясь лицом к лицу с материализованным уродством человеческих помыслов, понимал: привыкнуть к такому невозможно. Ответа на этот вопрос у юного детектива не было.

"Зная, что злоба порождает кошмары наяву, люди всё равно продолжают лелеять её в своих сердцах. Чем тогда те, кто сеет этот невидимый яд, отличаются от явных убийц?"

Но какими бы тяжёлыми ни были думы, он ни на секунду не сомневался в своём призвании и продолжал идти дорогой правосудия.

На этом поприще ему время от времени доводилось пересекаться с Реем Фуруей и его соратниками, несущими свою нелёгкую службу. Когда-то, в бытность Конаном Эдогавой, они с Тоору Амуро бок о бок вели тайную войну против Черной организации.

Позже этот синдикат допустил роковую ошибку — попытался влезть в дела Мира магов и заключить союз с беглыми проклятыми магами. В итоге Годжо Хара со своими людьми стёр организацию с лица земли.

Надобность шпионить под кодовым именем Бурбон отпала. Последний раз примерив эту личину, чтобы выкурить из щелей уцелевших прихвостней синдиката, Фуруя с чистой совестью вернулся в Департамент общественной безопасности.

Вскоре правительство учредило Отдел по особым делам магов. В новое ведомство отбирали лучших из лучших из всех полицейских префектур, предъявляя жесточайшие требования прежде всего к физической подготовке и боевым навыкам. Рей Фуруя, Хиромицу Морофуси и их верные друзья со времён полицейской академии — признанная элита сыска и рукопашного боя — без труда выдержали суровый отбор.

Кэндзи Хагивара и успевший обзавестись семьёй Ватару Датэ к тому моменту настолько прикипели душой к службе в Первом отделе уголовного розыска, что вежливо отклонили приглашение. Зато Дзинпэй Мацуда без раздумий последовал за Фуруей и Морофуси.

Шло время, людские тревоги и обиды без усталости подпитывали невидимую угрозу, и у оперативников Отдела по особым делам магов работы только прибавлялось. Львиную долю потусторонней фауны составляли мелкие пакостники третьего и четвёртого рангов — именно их и зачищали новоиспечённые оперативники. Кроме того, на них возложили обязанности наблюдателей из Окно: отслеживать источники аномалий и, если угроза превышала третий ранг, немедленно передавать координаты Главному совету магов, дабы те отправляли на место

магов.

Самым благодатным рассадником для проклятых духов предсказуемо оказывались места преступлений. Кипящие страсти между убийцей и жертвой, липкий страх случайных свидетелей — всё это служило идеальным субстратом для появления проклятых духов. Неудивительно, что Кудо, чей детективный нос постоянно приводил его на места происшествий, то и дело наталкивался там на оперативную группу Рея.

Вот и сегодня, едва разобравшись с убийством, детектив столкнулся с Реем, который прибыл зачистить свежее проклятие третьего ранга.

— Офицер Фуруя! — окликнул его юноша.

Тот обернулся и коротким жестом приказал своим людям возвращаться к машине.

В целях безопасности оперативников даже на зачистку проклятого духа четвёртого ранга отправляли строго тройками, чтобы бойцы могли прикрывать друг другу спины. Сам Фуруя, несмотря на высокий чин суперинтенданта, предпочитал лично работать «в поле». Разумеется, статус давал ему некоторые послабления: его группа была значительно больше стандартной, и сегодня под его началом работали сразу пятеро бойцов.

Синъити проводил взглядом удаляющихся полицейских и спросил:

— Накатываете опыт новобранцам, господин суперинтенданта?

Рей горько усмехнулся, ничуть не удивлённый проницательности собеседника.

— Людей катастрофически не хватает, да и... — Он осёкся, и на его лице проступила едва заметная тень.

Доказывать очевидное не требовалось: обычные люди, вооружённые лишь искусственными артефактами против проклятых духов, гибли пугающе часто. Статистика потерь в особом отделе была неумолима. Очки-проклятое оружие помогали обнаружить цель, а проклятые орудия — ранить её, но чего стоила надёжность штампованного армейского снаряжения? Даже в схватке с проклятыми духами обычный человек рисковал остаться калекой, ведь далеко не каждый новобранец обладал выучкой и реакцией уровня Рея Фуруи.

И всё же поток добровольцев не иссякал. Точно так же, как в сапёрных частях или отделах по борьбе с наркосиндикатами, где риск не вернуться со смены за пределами высок, всегда находились те, кто молча шёл под пули и когти ради безопасности других.

Ни полевые командиры вроде Фуруи, ни штабные чины в министерствах не собирались из-за высоких потерь сдавать позиции и вновь полностью перекладывать заботу о проклятиях на

плечи магов. Офицеры понимали: магов — не боги, их катастрофически мало для раскинувшейся на островах страны, и вечно прятаться за спинами Годжо Сатору или Годжо Хары попросту малодушно. Защита граждан — это прямая обязанность полиции, и увиливать от неё они не имели права.

У сильных мира сего мотивы были куда прозаичнее: они зубами вцепились в обрётённую власть. Долгие годы обычные люди зависели от капризов консервативной верхушки магов. Реформы Годжо Хары пробили брешь в этой монополии, позволив государству урвать свою долю контроля над зачисткой проклятий, и отдавать её обратно никто не собирался. А жизни простых постовых на улицах... Что ж, кабинетных стратегов их гибель никогда особо не волновала.

И всё же, какими бы железобетонными ни были убеждения Рея, видеть, как полные надежд парни уходят на дежурство, а возвращаются в виде изувеченных тел, было невыносимо горько. Он не обесценивал их жертву и не копил глухую злость на обывателей, чьи слабости порождали проклятых духов. Единственное, что ему оставалось — стиснуть зубы и до седьмого пота гонять новобранцев, вбивая в них бесценный опыт выживания. Даже зная, что его собственный путь в любой момент может оборваться на грязном асфальте.

Синъити молча слушал его, чувствуя, как тяжёлая тоска заполняет грудь.

Заметив, как погрузился юный детектив, Рей мягко улыбнулся, мигом прогоняя минутную слабость.

— Ладно тебе нос вешать. Сейчас всё равно в разы лучше, чем раньше. По крайней мере, мы больше не отправляем под удар проклятых духов.

Фуруя до сих пор отчётливо помнил, как во время учёбы в академии случайно пересёкся с Годжо Харой и его одноклассниками — совсем ещё зелёными мальчишками, отправленными на зачистку очередного логова тварей. Да и позже, в годы опасной игры внутри Чёрной организации, ему доводилось встречать воспитанников Токийского магического колледжа. Совсем ещё дети рисковали жизнями ради спокойствия тех, кто даже не подозревал об их существовании.

Теперь же, когда полиция взяла на себя черновую работу, нагрузка на магов существенно снизилась. Магов наконец стало хватать для экстренных вызовов, и отпала нужда отправлять школьников на магов первого и особого рангов, откуда они могли просто не вернуться. Если подростки теперь и брали заказы, то строго по собственному желанию, предварительно подтвердив квалификацию в стенах Магической башни и получив все необходимые гарантии безопасности.

Для Рея это было вопросом принципа: дети — будущее нации. Если государству для выживания приходится бросать в горнило войны необстрелянных подростков, грош цена такому государству. Именно поэтому, несмотря на горькие потери среди подчинённых, он зубами держался за право полиции нести это бремя. Если взрослые мужчины в форме дадут слабину и

отступят, расплачиваться за это снова придётся детям.

Неудержавшись, Синъити тихо спросил:

— А если... как в прошлый раз? Попросить господина Хару накрыть Территорией всю страну и разом вычистить Японию от проклятых духов?

О том невероятном триумфе, когда Годжо Хара раскинул свой барьер над всей страной, в правительственных кругах ходили легенды, и Кудо, разумеется, был в курсе. Пусть сейчас проклятых духов рождалось в разы меньше, любые новые жертвы среди гражданских отзывались тупой болью. Неужели нельзя просто проводить подобную «генеральную уборку» раз в несколько месяцев, избавив людей от кошмара?

Выражение лица Рея мгновенно сделалось стальным.

— Забудь эти слова и никогда больше не произноси их вслух! — отрезал он. — На эту тему наложено строжайшее табу на самых верхах.

Даже если у кого-то из министерских чинуш и зудело в одном месте от подобных идей, озвучить их никто бы не решился. Человек, способный одним движением мысли выкосить всех проклятых духов на архипелаге, с такой же лёгкостью мог превратить в пепел и всё население страны. Пытаться манипулировать силой такого масштаба или взывать к его «гражданскому долгу» — форменное самоубийство.

— И потом, — вздохнул Фуруя, — нельзя верить судьбу Мира магов одному человеку. Хара-кун всемогущ, но он из плоти и крови. Он тоже постареет и уйдёт. Если мы сейчас привыкнем греться в лучах его величия, то что станут делать наши потомки, когда его эпоха угаснет и они останутся один на один со своими страхами?

Золотой век проклятых духов неумолимо уходил в прошлое, а вместе с ним близился к закату и рассвет магов. Мир больше не породит стихийных бедствий библейского масштаба, но и титанов уровня братьев Годжо на нашей памяти больше не явится.

Человечество обязано научиться защищать себя самостоятельно. Магические династии будут угасать, но чертежи и методыковки проклятого оружия никуда не исчезнут. Обычный человек, сжимающий в руке рукоять созданного мастерами меча, вполне способен отсечь проклятого духа голову. Кто знает, возможно, в будущем обыватели полностью откажутся от услуг капризных магов и возьмут свою судьбу в собственные руки.

Фуруя искренне преклонялся перед подвигом многих поколений магов, веками оберегавших покой мирных жителей, но слепо полагаться на них больше не желал. Обретение обычными людьми способности давать отпор хотя бы слабым проклятым духам — отличная отправная точка для новой эры.

Кудо понимающе кивнул, признавая правоту собеседника.

— Ваша правда, господин суперинтендант. Вы смотрите далеко в завтрашний день.

Рей досадливо поморщился, на губах его заиграла ироничная улыбка:

— К тому же, все эти споры не имеют практического смысла. Захоти мы сейчас связаться с Харой или Сатору — ничего бы не вышло. Эти двое давно швырнули ключи от кабинетов на стол и благополучно испарились.

У детектива от изумления вытянулось лицо. Если от эксцентричного и взбалмошного Годжо Сатору подобного фортеля вполне можно было ожидать, то поверить, что всегда безупречный, гиперответственный и прагматичный Хара швырнул дела на самотёк и скрылся в закат, было решительно невозможно.

Разгадав немой вопрос на лице юноши, Рей негромко обронил:

— Ты забываешь одну важную деталь: господин Хара — неисправимый, абсолютно неизлечимый сиблингофил. Стоило младшему брату заговорщически подмигнуть и поманить за собой, как вся пресловутая ответственность старшего растаяла, словно утренний туман, и он умчался следом за Сатору навстречу приключениям.

Кудо лишь безмолвно открыл и закрыл рот. Крыть тут было явно нечем.

Разговор плавно перетёк на обсуждение общих дел, пока детектив невзначай не упомянул Сюити Акаи:

— Кстати, до меня доходили слухи, что господин Акаи в Америке тоже перевёлся в аналогичное спецведомство. Занимается теперь ровно тем же, чем и вы.

Чтобы предотвратить мировую панику и удержать тайну за семью печатями, японское правительство провернуло гениальную медиа-мистификацию: выпустило масштабную франшизу аниме, преподнеся проклятых духов и магов как чистой воды художественный вымысел. Обыватели по всему миру искренне верили, что это лишь популярная выдумка.

Разумеется, правительства ведущих держав прекрасно понимали, что к чему. Вслед за японским экспериментом аналогичные секретные подразделения выросли как грибы после дождя по всему земному шару. И концепция везде была схожей: раз уж магов днём с огнём не сыщешь, на зачистку отправляли элитных военных и оперативников, снабдив их импортированными проклятыми орудиями и пулями.

К счастью для зарубежных коллег, у них проклятые духи рождались редко и выдающейся мощью не отличались — сказывалось отсутствие Барьера Тэнгэна, который веками

концентрировал проклятую энергию на территории Японии. Так что формирование иностранных спецотделов прошло без лишнего шума. По сути, всё свелось к тому, что горстке первоклассных агентов вроде Сюити Акаи выдали допуск к государственной тайне повышенной секретности, вручили проклятые орудия и отправили на передовую шинковать проклятых духов.

Стоило Рею услышать ненавистную фамилию, как благодушное настроение испарилось без следа, уступив место глухому раздражению.

"Надо же было так испортить хороший день упоминанием этого несносного ФБР-овца! Какая досада"

Натянув вежливую, но явно вымученную улыбку, суперинтендант поспешно распрощался с собеседником. Желание продолжать этот разговор у него пропало окончательно и безоговорочно.

Кудо лишь скептически вздохнул, провожая удаляющуюся фигуру выразительным взглядом.

Когда класс Юты Оккоцу наконец завершил обучение в школе и перевёлся в Токийский магический университет, на торжественной церемонии открытия перед студентами наконец предстали две до боли знакомые фигуры — Годжо Хара и Годжо Сатору. Оно и неудивительно: пост ректора первого в истории высшего учебного заведения для магов занимал лично Хара, а кресла проректоров делили между собой Сатору и Сугуру Гэто.

Конечно, абитуриентов в этих стенах пока было наперечёт — даже с приходом первокурсников из выпуска Юты просторные лекционные залы казались полупустыми. А всё потому, что Мимико и Нанако Хасаба, которые должны были поступать вместе с Ютой, выбрали совсем другой путь. Их приемная мать, Юки Годзё, проявив чудеса родительской строгости, заставила сестёр грызть гранит науки ради поступления в престижнейший Токийский университет. Сейчас девушки вовсю штудировали основы менеджмента и микроэкономики, готовясь после выпуска влиться в структуру Концерна Годзё и со временем унаследовать многомиллиардное состояние матери.

Юки Годзё давно числилась среди ключевых управленцев Хары и пользовалась его безграничным доверием. В своё время в качестве щедрого бонуса за преданность ректор подарил ей солидный пакет акций Концерна Годзё, моментально превратив скромную женщину в одну из богатейших дам страны.

В юности, до великих реформ, Юки натерпелась немало унижений и притеснений от высокомерных старейшин Клана Годзё. Получив долгожданную свободу и богатство, она даже слышать не желала о браке или деторождении. Обретя в лице Нанако и Мимико дочерей, женщина сосредоточила на них всю свою любовь и заботу, планомерно возвращая из сирот достойных наследниц своей империи.

Логика её была проста и цинична: зачем девочкам рисковать головами на опасной службе магов, если можно получить блестящее образование в Тодай, унаследовать миллиарды и при необходимости просто нанимать сильных магов за деньги? Нанако и Мимико сочли этот план безупречным и беспрекословно подчинились воле матери, проигнорировав призыв Магического университета.

И пусть их обожаемый Сугуру Гэто занимал должность проректора, они прекрасно знали, что тот с головой ушёл в реформы Ассоциации магов и на кампусе практически не появляется. А раз шансы лишний раз погреться в лучах внимания своего спасителя были ничтожно малы, то и смысла поступать сюда не было никакого.

Вот и вышло так, что первый полноценный выпуск магической школы при переходе на ступень высшего образования не досчитался половины бойцов, отчего и без того скромный список студентов съёжился до неприличных размеров.

Тем не менее, проект первого в мире Магического университета оставался важным детищем братьев Годжо. Понимая, что на этапе становления заведению нужна твёрдая опора, Хара и Сатору на время оставили в покое белых медведей в полярных льдах и соизволили явиться на родину ради торжественной линейки.

Стоило братьям переступить порог актового зала, как к ним бесшумной грозовой тучей подплыл Сугуру Гэто. Его голос, тихий и зловещий, заставил бы вздрогнуть любого первокурсника:

— Надо же, Хара, Сатору... Вы всё-таки вспомнили, как выглядит Япония? Я уж думал, вы там прописались среди льдов.

Сатору, разумеется, ледяной тон друга проигнорировал с поистине королевским изяществом. Бесцеремонно сгребя Гэто в охапку за шею, он вытащил смартфон и принялся тыкать экраном прямо тому в нос:

— Сугуру, дружище, зацени! Это полярное сияние, жаль только, паршивая линза не передаёт всех переливов. А вот это — антарктические пингвины, умора редкая! Топают, качаются из стороны в сторону... Я одному незаметно подножку подставил, он кувыркком полетел, а как поднялся — даже не понял, кто это сделал, и сразу полез драться с соседом, ха-ха-ха! О, а тут глянь, какие белые медведи! Шкура — чистый бархат, спать у них под боком тепло, как у камина...

И если смазанные кадры зелёных сполохов в небе Сатору уже успел скинуть ему в мессенджере, то вот утомительные похождения пингвинов и объятия с хищниками Гэто действительно видел впервые.

Впрочем, гадать о причинах такой скрытности не приходилось. Сугуру слишком хорошо знал своего несносного друга.

"Этот гад... — Сугуру почувствовал глухую, бессильную ярость. — Опять стал сильнее"

Сатору до последнего скрывал геолокацию лишь потому, что опасался мести оставленного за старшего товарища. Опасался, что разъярённый Гэто бросит ворох отчётов, примчится на край земли и лично закопает его в сугроб. Сугуру почувствовал, как его кулаки наливаются тяжёлой яростью.

Не выдержав издевательского тона, проректор, наплевав на присутствие притихших студентов, с разворота заехал Сатору прямо в улыбающуюся физиономию. Однако удар с сухим щелчком завяз в невидимой стене Безграничности. Что примечательно, ладонь Сатору по-прежнему крепко сжимала его плечо — этот контакт барьер пропускал беспрепятственно, — но летящий в лицо кулак натолкнулся на глухую защиту.

Сатору самодовольно сдвинул очки на кончик носа и вызывающе подмигнул:

— А это, мой дорогой Сугуру, обновлённая версия моей техники. Локальная фильтрация Безграничности! Теперь система в автоматическом режиме оценивает характер физического воздействия. Дружеские объятия она пропускает, а вот твой полный праведного гнева кулак — блокирует намертво.

Удержание руки на плече Гэто классифицировалось системой как безопасное прикосновение, в то время как выпад в челюсть — как прямая угроза. Два противоположных алгоритма работали одновременно, не мешая друг другу.

От этого осознания ярость вспыхнула с новой силой. Свалить на единственного друга тонны бюрократической макулатуры, из-за которой на голове скоро живого места не останется, укатить развлекаться на край света, да ещё и вернуться, чтобы ткнуть в лицо очередным витком своего всемогущества? Воистину, иметь такого друга — благословение небес!

Сугуру со скрежетом сжал челюсти.

— Сатору, — вкрадчиво процедил он, — отключи Безграничность. Будь мужчиной, давай просто разомнёмся.

— Разбежался! — прыснул Сатору и, дурачась, ухватился за свисающую прядь на затылке друга. — Если тебе одиноко, найди себе кого-нибудь другого для обнимашек!

Он игриво потянул волосы на себя... и застыл. В его ладони остался внушительный пучок чёрных прядей. Сатору глупо моргнул, уставившись на свою руку, и внезапно понял, что поднимать взгляд на Сугуру ему сейчас категорически противопоказано. Впрочем, Шесть Глаз, обеспечивающие полный круговой обзор без слепых зон, уже зафиксировали, как лицо друга медленно заливают багровая волна первобытного бешенства.

Сатору мгновенно сорвался с места, развивая крейсерскую скорость:

— Сугуру, клянусь, я не знал про твой возрастной кризис! Я не хотел выдирать остатки твоей шевелюры!

В школьные годы они регулярно устраивали потасовки и безжалостно таскали друг друга за волосы, но кто же мог подумать, что сейчас причёска Гэто станет столь уязвимой к внешнему воздействию? Сам-то Сатору по-прежнему щеголял безупречной, густой белоснежной копной!

Окончательно потеряв остатки самообладания, Гэто взмахнул рукой, призывая сразу несколько десятков проклятых духов особого ранга:

— Сдохни, Сатору-у-у!

На этом фоне Годжо Хара, сохраняя на лице безупречную вежливую улыбку, спокойно продолжал зачитывать приветственную речь ректора с трибуны. Фоновым аккомпанементом к его размеренному голосу служил грохот рушащихся декораций и яростный рёв проректора Гэто, гоняющего по залу проректора Сатору.

Впрочем, сидевшие в зале студенты — поголовно воспитанники этой безумной троицы — даже бровью не повели. Демонстрируя завидную выдержку, они чинно сидели на своих местах, полностью игнорируя локальный апокалипсис на заднем плане и вежливо внимая каждому слову господина ректора.

Определённо, учебный год начинался ярко и многообещающе. Впереди новобранцев ждали незабываемые университетские будни.

— Сатору, стой, тварь! Я из тебя душу вытрясу!

— Догони сначала, Сугуру! Будешь хорошо бегать — может, и дамся!

<http://bllate.org/book/19549/2004406>